

Он говорил торжественно, некоторое время глядя на неповрежденный значок на багровой ладони, затем А-Цзинь тоже встал, и двое снова смотрели друг на друга на одном уровне.

Мертвенно-спокойные глаза пристально смотрели в серо-голубые глаза другого. А-Цзинь вдруг спросил:

— Того человека, ты убил его собственными руками?

Здесь он спросил: «Того человека, ты убил его собственными руками?», а не «Тот человек, он уже мертв?». После двадцати с лишним дней просмотра старых газет А-Цзинь уже видел новость о смерти того человека.

— Да, этой рукой, собственноручно, — услышав этот вопрос, этот всегда сдержанный мужчина внезапно немного возбудился. — Силой, которую ты мне одолжил, я собственноручно убил его!

Локэфени произнес это, и его серо-голубые глаза мгновенно окрасились легкой краснотой.

Тогда уголок губ А-Цзиня слегка изогнулся:

— Отлично.

Черные глаза уставились на мужчину напротив. А-Цзинь медленно поднял левую руку, протянул левую кисть и сжал давно застывшую в воздухе левую руку Локэфени.

В воздухе словно взорвалась порция энергии.

Огромная сила бурным потоком хлынула из тела Локэфени в А-Цзиня через соединенные ладони. Процесс передачи Силы был чрезвычайно мучительным, словно боль от готового взорваться тела! Локэфени плотно сжал губы, вены вздулись на тыльной стороне его кисти, его рука дрожала все сильнее и сильнее, и наконец —

С легким «бульк» одна из сосудов на его руке мгновенно лопнула. Фонтаны крови брызнули наружу, превращаясь при контакте с воздухом в черный пепел. Затем произошло нечто еще более невообразимое: по мере продолжения передачи Силы внешность Локэфени начала резко меняться. Его прежде упругая кожа обвисла, темно-золотистые волосы постепенно покрылись инеем седины, морщины проступили на открытых участках кожи. Он из мужчины в самом расцвете сил мгновенно превратился в старика!

А напротив него стоял А-Цзинь, внешне не изменившийся вовсе. Однако только он сам знал, что под одеждой на теле все еще оставалось парочка мест, продолжавших разлагаться. С приходом этой внезапно влитой Силы та разложившаяся плоть мгновенно превратилась в черный пепел, осыпавшийся в складках одежды, а новая кожа и плоть быстро отросли. Изначально иссохшее тело словно получило несравненное питание и вмиг наполнилось силой.

Мало, этого еще мало... До пиковой формы... еще далеко!

А-Цзинь разжал руку. Почти в тот же миг высокий мужчина напротив подогнулся в коленях и рухнул на пол. Он долго лежал ничком, тяжело дыша, прежде чем медленно поднялся.

Теперь он выглядел совершенно иначе, чем при входе.

Лицо в морщинах, волосы полностью седые, прежде прямая спина сгорбилась, колени не разгибались до конца, согнутые. Он выглядел как совсем дряхлый старик.

— Благодарю за твою верность, Лок, — А-Цзинь протянул руку, делая жест поддержки. — Таким образом, наша вторая клятва тоже исполнена.

Качая головой, Локэфени отклонил его помощь, медленно отступил к своему прежнему месту и, дрожащими руками, поднял плащ, брошенный на спинку стула. Ему потребовалось много усилий, чтобы снова накинуть плащ, накрыв им голову. Так он наконец стал выглядеть так же, как пришел.

— В таком случае, мне пора прощаться.

Однако все равно было не так: его голос тоже стал хриплым и старческим, когда он говорил, в горле слышалось сипение.

А-Цзинь ничего не сказал, лишь проводил его взглядом, медленно бредущего к двери.

Та сгорбленная спина остановилась у выхода, не оборачиваясь. А-Цзинь услышал голос из-под плаща:

— До... того, как увидеть, что ты вернулся, я в душе радовался.

— Хотя и не знаю, что у тебя на уме, но для меня ты — единственный оставшийся в живых друг.

— Желаю тебе доброго пути.

Медленно произнеся эти слова, мужчина больше не задерживался, толкнул деревянную дверь и решительно вышел.

Постояв на месте еще мгновение, А-Цзинь вернулся на свое место, взял деревянную шкатулку и посмотрел на нее. Его выражение лица было, как всегда, спокойным и невозмутимым.

Он сидел в темноте очень долго.

Когда небо начало светлеть, увидев беспорядок из пустых тарелок на столе, А-Цзинь наконец встал, закатал рукава и решил заняться делом.

И когда Цзи Хуань проснулся в обычное время, он увидел А-Цзиня, занятого делами на кухне.

— Э? А-Цзинь, ты купил новые тарелки? — глядя на А-Цзиня, серьезно убирающего тарелки в буфет, Цзи Хуань сразу заметил, что цвет тарелок в его руках был белым — таким, которого он никогда раньше не видел на их кухне.

Тарелки на кухне были комплектами: один набор красный, а другой — темно-синий с красивым золотым узором, немного отличающийся от эстетики мест, где жил раньше Цзи Хуань, довольно экзотичная посуда.

— Э-э... Когда мыл посуду, приложил чуть больше усилий, красная часть вся стерлась, считай, что купил новый набор посуды, — всегда невозмутимый мужчина с редким затруднением на лице быстро отбросил это смущение, затолкал последнюю тарелку в буфет и улыбнулся Цзи Хуаню.

[Цзи Хуань: =_ =]

А-Цзинь все же посчитал, что так нехорошо, и в тот же день утром отправился на улицу и

добыл набор посуды. То был исключительно изящный сервиз, даже более изысканный, чем тот, что он испортил, явно не тот, что можно купить на их обычном рынке.

Вместе с посудой он принес большую пачку семян и ящик книг.

Он даже купил очки для чтения, больше подходящие зрению Дедули, и детский комбинезон!

Вместе с документом на дом А-Цзинь отдал все это Цзи Хуаню.

— А-Цзинь, ты... уходишь? — ошеломленно глядя на эту кучу вещей, Цзи Хуань вдруг что-то осознал.

А-Цзинь кивнул.

— Скоро уйду.

Без малейшего времени на подготовку, А-Цзинь собрался уйти прямо сейчас!

Цзи Хуань остолбенел.

— Почему так быстро... Подожди меня секунду, — пробормотав это, он вдруг развернулся и побежал на кухню.

Сидя в своем обычном кресле-качалке, А-Цзинь склонил голову, глядя на редко суетящегося юношу, а затем на маленького черного демона, лежащего на куче вещей и обнюхивающего их то слева, то справа.

А-Цзинь мягко улыбнулся ему.

Маленький демон рефлекторно втянул шею, а затем, спустя мгновение, поднял лапку и помахал ему.

А-Цзинь на мгновение застыл, прежде чем сообразил, что это жест «приветствия».

Юноша по имени Цзи Хуань был очень искусен в обучении этого маленького демона. После того как в прошлый раз научил его здороваться, он каждый день заставлял его приветствовать себя. Маленький демон его ужасно боялся, обычно при виде А-Цзиня весь цепенел, и каждый раз Цзи Хуаню приходилось поднимать его лапку и махать за него. Не ожидал —

Он уже научился!

Глядя на маленького демона, который, несмотря на явный испуг, упорно махал ему лапкой, А-Цзинь вдруг расхотелось пугать его. Он протянул руку и тоже помахал маленькому демону.

Сделав этот немного детский жест, А-Цзинь вдруг рассмеялся.

Не той сдержанной улыбкой, что обычно, а беззаботной, даже немного детской улыбкой.

— Пока, — он снова помахал маленькому демону.

А-Цзинь ушел в период самого сильного светового излучения.

Неся приготовленный Цзи Хуанем багаж — искусно сплетенный плетеный ящик.

Говорят, это тот самый Карас сплел его собственными руками, из тех высушенных на улице «сорняков».

Сидя в грузовичке водителя-блондина с плетеным ящиком на коленях, в голове А-Цзиня вдруг всплыло лицо юноши по имени Цзи Хуань.

Перед уходом тот задал ему вопрос:

— Ты... почему был так добр к нам?

Тогда он не ответил.

Не потому что не хотел сказать, а потому что не знал.

Но теперь, подумав, причина, наверное, проста.

«Наверное, потому что я добрый и хороший человек?» — легко потирая подбородок указательным и большим пальцами, он пробормотал.

Дожив до сих пор, только один он дал ему такую оценку, да еще и не раз, так что ему не хотелось разрушать это мнение, хотелось оставаться в его глазах «добрым», «хорошим» человеком.

Наверное, в этом и была причина?

Машина быстро выехала за пределы Ефаэра.

<http://bllate.org/book/15401/1371851>